

RU

Особенности и способы словообразования репрезентантов концептов ХУЖЬ (БЕЛЫЙ), ПЛЪЫЖЬ (КРАСНЫЙ), ГЪУЭЖЬ (ЖЕЛТЫЙ) в кабардино-черкесском языке

Дзуганова Р. Х., Ошроева К. В.

Аннотация. Цель работы - выявить репрезентанты эталонов цветовых концептов ХУЖЬ (БЕЛЫЙ), ПЛЪЫЖЬ (КРАСНЫЙ), ГЪУЭЖЬ (ЖЕЛТЫЙ) и особенности их функционирования в кабардино-черкесском языке. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на теоретическом и практическом материале подвергаются лексико-семантическому анализу указанные слова, выявляются их словообразовательные возможности, прослеживается история сложения этих словообразовательных моделей. Полученные результаты показали, что репрезентантами эталонов исследуемых моделей являются натуромерные и антропомерные слова. Все три модели имеют одинаковую морфологическую структуру, участвуют в именном словообразовании в позиции второго компонента, сохраняя при этом этимологическое значение.

EN

Peculiarities and Ways of Word Formation of Representatives of the Concepts ХУЖЬ (WHITE), ПЛЪЫЖЬ (RED), ГЪУЭЖЬ (YELLOW) in the Kabardino-Circassian Language

Dzuganova R. Kh., Oshroeva K. V.

Abstract. The aim of the work is to identify the representatives of the references for colour concepts ХУЖЬ (WHITE), ПЛЪЫЖЬ (RED), ГЪУЭЖЬ (YELLOW) and the features of their functioning in the Kabardino-Circassian language. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, on the basis of theoretical and practical material, these words are subjected to a lexical-semantic analysis, their word-formation possibilities are revealed, and the history of the formation of these word-formation models is traced. The obtained results have shown that the representatives of the references for the studied models are natural and anthropomeric words. All the three models have the same morphological structure and participate in nominal word formation in the position of the second component maintaining the etymological meaning.

Введение

Поскольку цвет не является универсальным понятием, человек, ассоциируя цвета с теми или иными предметами, с которыми он встречается, чаще всего видит – создает в своем сознании цветовую картину. Для концептуализации тех или иных цветов многие ученые (Н. Н. Болдырев, А. Вежицкая, З. Х. Бижева, Н. У. Ворокова и др.) включают спроецированные на человеческую деятельность землю, небо, растительность, огонь, а также день и ночь. Таким образом, создаваемая цветовая картина зависит от цветовой палитры окружающей природы и от практического опыта самого человека. Человек, сравнивая хорошо знакомые ему предметы, создает их цветовую характеристику в своем когнитивном пространстве. Указанные исследователи утверждают, что единственный путь познания предметов – это сравнение. Сравнение формирует основу обыденного и научного познания человеком окружающего мира. Обыденное познание, направленное на решение прагматических задач повседневной жизни, предполагает интерпретацию мира человеком с ценностной точки зрения (Ошроева, 2021, с. 10). Человек на основе сравнений формирует в сознании эталонную базу для концептуализации цвета. В данном исследовании нас интересует словообразовательная сторона репрезентантов концептов ХУЖЬ (БЕЛЫЙ), ПЛЪЫЖЬ (КРАСНЫЙ), ГЪУЭЖЬ (ЖЕЛТЫЙ).

Эталонные сравнения, выбранные человеком, не должны вызывать никаких сомнений относительно их свойств, качеств, признаков. Их присутствие в когнитивном пространстве индивида должно быть устойчивым

и стабильным. Другими словами, по терминологии Н. Н. Болдырева (2001, с. 60), человек должен обладать когнитивным контекстом – блоком знаний об объекте.

Блок знаний может включать типичные, закрепленные в той или иной культуре, а также субъективные традиции, сформированные в сознании отдельного индивида. Поскольку каждый индивид по-своему воспринимает окружающий мир, способ концептуализации действительности, свойственный одному языку, будет отчасти универсален, отчасти этноспецифичен (Бижева, 2000, с. 3). Способ представления мира у разных народов национально специфичен в силу различных факторов: экологических, социальных, культурно-исторических и этнопсихологических (Ворокова, 2003, с. 38).

Однако во всех культурах для людей важно зрительное восприятие, – пишет А. Вежицкая (с. 232), – и важно описание того, что они видят, но им не обязательно иметь специальный термин *цвет* как отдельное обозначение одной из сторон их зрительного опыта.

Учитывая эти положения, можно сказать, что восприятия, отмеченные этнокультурной спецификой, определяют палитру цвета в каждой лингвокультуре.

Поскольку духовность адыгов сохранилась в Слове (Бижева, 2000, с. 4), особую актуальность приобретает изучение языкового материала, где отражается адыгская картина мира. Освещение словообразовательных сторон указанных выше репрезентантов цвета значительно расширит теорию словопроизводства в адыгских языках.

При выявлении эталонной базы для концептуализации указанных цветов, а также определения у перечисленных лексем, которые вербализируют концепты, лексико-семантических, грамматических и морфонологических особенностей необходимо решить следующие задачи:

- выявить репрезентанты исследуемых цветовых концептов и показать употребительность моделей исследуемой группы на материале художественных произведений известных кабардинских и черкесских писателей;
- дать лексико-семантическую и грамматическую характеристику моделям рассматриваемого ряда;
- определить морфонологические особенности исследуемых моделей.

В работе наряду с методом лингвокультурологического анализа использованы методы словообразовательного, контекстуального и этимологического анализа.

Теоретической базой данного исследования послужили труды по лексике и грамматике кабардино-черкесского языка Н. Ф. Яковлева (1948); Г. В. Рогавы (1956); М. А. Кумахова, З. Ю. Кумаховой (1998); А. К. Шагирова (1977), также работы ученых в области когнитивной лингвистики А. Вежицкой (1996); Н. Н. Болдырева (2001); З. Х. Бижевой (2000).

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов по лексикологии кабардино-черкесского языка, а также проведении спецкурсов по лингвокультурологии для студентов-филологов в вузах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи.

Основная часть

Выбор трех цветов *хужь* (белый), *плъыжь* (красный), *гъуэжь* (желтый) для нашего исследования был не случаен. Эти модели в кабардино-черкесском языке имеют одинаковую морфологическую структуру. Во всех односложных прилагательных исследуемого ряда присутствует суффикс *-жь*. В системе именного словосложения рассматриваемые модели занимают позицию второго компонента. В таких случаях они выступают без суффикса *-жь* в виде *ху-* (белый), *плъы-* (красный), *гъуэ-* (желтый). При этом корневые элементы с огласовкой *ы* теряют конечный вокализм, тогда как *гъуэ-* сохраняет гласный э (Дзуганова, 2005, с. 182). Ср., например: *пшэ-плъ* (красный рассвет) < *пшэ* (туча) + *плъ* (красный); *пшэ-ху* (белые облака) < *пшэ* (туча) + *ху* (белый); *пша-гъуэ* (туман) < *пшэ* (туча) + *гъуэ* (желтый). Модели *пшэ-плъ* и *пшэ-ху* имеют варианты *пшэ-кIэ-плъ* (рассвет красный, когда встает солнце) и *пшэ-кIэ-ху* (когда светает без солнца), а вот элемент *-гъуэ* в слове *пша-гъуэ* (туман) выводится лишь этимологически. Нетрудно заметить, что рассматриваемые модели образуют цветовые обозначения природных явлений. Сравним на примерах из художественного текста. *ПшэжIэху къыщIати нэхуцым, Уафэр мыл гъуджэу егъэж* (КIыщокъуэ, 2004, с. 225). / **Светало**, и небо превратилось в ледяное зеркало (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Р. Д., К. О.). Ср. также: *Пшэджыжь пшэплъ дыхьэрэным хъурегъыр псынциIэу зэщIецтэ* (ЩоджэнцIыкIу, 1973, с. 131). / Утренний **ярко-красный рассвет** озарил быстро все вокруг. Ср. также: *ЕтIуанэ махуэм бжьыхьэр къуажэм къыдэпцхьащ, пшагъуэ Iувым быдэу кIуэцIышыхьэрэ ятIэр къыпытIэтIу* (Хьэх, 2013, с. 136). / На второй день в село приползла осень, плотно завернутая в густой **туман**, со своей моросью и слякотью.

Наличие в структуре исследуемых моделей *хужь* (белый), *плъыжь* (красный), *гъуэжь* (желтый) суффикса *-жь* ни у кого не вызывает возражений. Однако относительно этимологии данного аффикса существуют разные мнения. Н. Ф. Яковлев (1948, с. 144) полагает, что элемент *-жь* в рассматриваемых моделях происходит от *жьы* (старый).

Предположение Н. Ф. Яковлева отвергает Г. В. Рогавы (1956, с. 23), аргументируя разным происхождением суффикса *-жь* и прилагательного *жьы* (старый) и в семантическом, и в фонетическом плане.

Мнение Г. В. Рогавы разделяют М. А. Кумахов (1989, с. 75) и А. К. Шагиров (1977, с. 133), не исключая возможность, что в абхазско-абазинских языках данное слово относится к старым адыгским заимствованиям. Ср.: абхазское *ашуа-жь* и абазинское *гуа-жь* (желтый).

Ассоциативная связь между *белым* и *хорошей видимостью* в кабардино-черкесском языке иллюстрируется словами *хужь* (белый) и *нэху* (светлый).

Репрезентантами эталонов белого цвета в кабардино-черкесском языке выступают большей частью антропомерные слова: *уэсым хуэдэу* (белый как снег). Снег – осадки, выпадающие в виде *белых* звездочкообразных

кристаллов или в виде хлопьев, представляющих собою скопление таких кристаллов. *ЯтIэхум хуэдэу фагъуэ хъун* (побледнеть как известь). *ЯтIэху, сэху* (известь) – *белое* минеральное вещество. Его получают путем обжига и переработки известняков. Помимо колоративного признака данное сочетание акцентирует изменение привычного цвета лица человека из-за каких-либо внешних факторов. *Шэхум хуэдэу фагъуэ хъун* (как воск побледнеть). *Шэху* – воск. Мягкое вещество, обычно желтого или *белого* цвета. Сочетание также концептуализирует изменение привычного цвета лица человека под воздействием каких-либо внешних факторов. Например: *Ефэндым Iуэхур кыщыгурыIуэм, и фэр шэхум хуэдэу пыклауэ, кIийуэ цIидзац...* (Махуэ, КъардэнгъушI, 1994, с. 46). / Когда эфенди понял, в чем дело, он **побледнел, как воск** и начал кричать...

Часто в литературных произведениях процесс концептуализации цветов осуществляется посредством оппозиций и контраста. Ср., например: *Сэхум хуэдэу фагъуэ и нэIу гъурымрэ вындым хуэдэу фIыцIэ и жьакIэ фIыцIэмрэ – зыр зым апхуэдизкIэ игъэнаIуэрти, гуемыIуу зэщымыщ кыпфIигъэщIырт* (КIэрэф, 2009, с. 78). / Его худое лицо, белое, как известь, и черная, как ворон, борода настолько сильно оттеняли друг друга, что их контраст казался неестественным.

Основу *пльы-* проф. Н. Ф. Яковлев (1948, с. 144) возводит к глагольному корню *пльы* (раскалиться докрасна, нагреться). Далее он объясняет, что исследуемое слово означало буквально *раскаленный старый, бывший раскаленный, цвет раскаленного металла или угля, старый, прочный, существующий независимо от огня*.

Г. В. Рогова (1956, с. 23) разбирает исследуемую морфему на *n-* классный показатель, *-пльы-* (кровь), и добавляет, что то же самое наблюдается и в других родственных языках. М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова (1998, с. 182) придерживаются этимологии, предложенной Г. В. Роговой. Они закрепляют это положение не только данными родственных языков, но и типологически, подчеркивая, что в цветовой семантике самых различных народов красное соотносится с кровью.

На самом деле основа *пль-* (*пльы-*), сочетаясь с существительными, образует прилагательные, обозначающие красный цвет. Например: *джабэ-пль* (красный сбоку) < *джабэ* (бок) + *пль* (красный); *нэIу-пль* (краснощекий) < *нэIу* (щека) + *пль* (красный). Ср.: *И фэIэ наркомыр лIы гъэша нэIупль гуэрт, карточкэIэ псэуу зэрыщымытым гу лпыптэу* (Кыщокъуэ, 2006b, с. 215). / С виду нарком был довольно упитанным, **краснощеким** мужчиной, было видно, что он питается не по карточной системе.

Концепт *ПЛЬЫЖЬ* (КРАСНЫЙ) можно рассмотреть под другим углом зрения, – пишет З. Х. Бижева (2000, с. 25) и приводит классификацию цветов по критерию *теплый/холодный*. Далее она убеждает в том, что красный цвет осознается как *теплый* потому, что ассоциируется с огнем. При этом, – продолжает она, – не обязательно, чтобы мы представляли себе цвет огня как красный.

А. Вежицкая (1996, с. 265) по этому вопросу замечает, что человеческому зрению более привычен огонь, что в большинстве культур более глубинная связь должна быть установлена между *красным* и его ближайшим аналогом в человеческой среде, который одновременно культурно и зрительно существен и экзистенциально значим, – огнем.

В кабардино-черкесском языке репрезентантом эталона цвета *пльыжь* (красный) может выступать также *огонь, уголь*. Например: *дэпым хуэдэу плъыжь* (красный как уголь). *Дэп* – уголь, кусок раскаленного древесного угля, также передает изменение (покраснение) цвета лица человека из-за беспокойства, состояния крайнего волнения. Ср.: *АрихъэIэ, жиIэну зыхуейр жиIати, жэрыжэ зацIэIэ IэгуауэIхуэ цIыхухэр кыхуеуэу, Апчарэ трибунэм къехъжри Хъэбибэ сымэ здэщытым деж, кызэщIэIпIлауэ, и нэIуцхъитIыр дэпым хуэдэу къэувыжац* (Кыщокъуэ, 2006b, с. 47). / Апчара быстро сошла с трибуны под бурные аплодисменты и направилась в сторону, где стояли Хабиба и другие, она была так взволнована, что щеки ее были **красные как раскаленные угли**.

Анализируемые материалы показывают, что рассуждения Н. Ф. Яковлева (1948, с. 144-145) по вопросам цветообразования в кабардино-черкесском языке во многом были справедливы, хотя не совсем последовательны. Так, заслуживают внимания его соображения о связи человека с природой. Н. Ф. Яковлев был прав, усматривая в корне *пльы* понятие *раскаленного угля*. Кроме того, по Яковлеву отправной точкой развития понятия цвета служили окраски *животных и огня*, непосредственно интересовавшие человека. Однако не обоснованы его предположения о том, что образования цветовой палитры от односложных слов-корней, оканчивающихся на гласную, обозначают не названия цветов, а названия масти. От этих названий образуются в дальнейшем названия цветов, окрасок вообще.

На самом деле, в системе именного словообразования в современном кабардино-черкесском языке наблюдаются образования названий масти путем сложения исследуемых односложных корней. Однако морфонологический принцип, действующий в этом процессе, не зависит от цвета или масти животных, он связан со строением, структурой сочетающихся корневых морфем. Например, при сложении именных основ образуется название масти лошади: *пцIэ-гъуэ-пль* (гнедой) < *пцIэ* + *гъуэ* (желтый) + *пль* (красный), значение первой части сложения *пцIэ* не совсем ясно. Ср.: *Абы лъандэрэ мацIэ цIа, иджы зи ныбэ иуэжа шы пцIэгъуэ-пльым соплэри... арауэ пцIэжынкъым* (Кыщокъуэ, 2006а, с. 382). / С тех пор прошло немало времени, теперь я смотрю на **гнедого коня** с запавшими боками... его невозможно узнать.

Наблюдаются случаи, когда производные слова, включающие исследуемые модели, выражают одно понятие, передача цветовых оттенков при этом сохраняется. Ср., например: *шкIэ-пльэ* (румянка, синяк красный). Корень этого растения используется в адыгской национальной кухне как приправа. При поджарке лука добавленный корень румянок окрашивает масло в красный цвет. Ср. другой пример: *щIыIу-ху* (бельмо). Бельмо – беловатое пятно на глазу вследствие помутнения роговицы глаза после ее различных заболеваний.

Как видно из анализа материала, принимая участие в именном словообразовании, исследуемые корневые морфемы сохраняют семантическую связь с соотносительными словами. При этом наблюдаются тенденции перехода рассматриваемых полнозначных слов в суффиксальные морфемы.

Заключение

Итак, проведенный анализ теоретического и фактического материала позволяет сделать следующие выводы.

Репрезентантами эталонов цвета *хужь* (белый), *плъыжь* (красный) и *гъуэжь* (желтый) в кабардино-черкесском языке выступают натуромерные и антропомерные слова.

В лексико-семантическом плане исследуемые слова сохраняют этимологическое значение в производных образованиях.

Рассматриваемые модели имеют одинаковую морфологическую структуру. В именном словосложении они выступают в позиции второго компонента, занимая тем самым место суффиксальной морфемы, при этом все три модели теряют суффикс *-жь*. В таких случаях основы *ху(ы)-* и *плъы-*, вступая в сложения, образуют сложные имена. Это способствует отпадению конечного вокализма *ы*, так как процесс преобразования многосложных слов с конечным гласным *ы* в закрытый слог в кабардино-черкесском языке уже завершен. Таким образом, наблюдается тенденция перехода исследуемых моделей в разряд суффиксов.

В рамках одной статьи невозможно охватить все стороны рассматриваемых словообразовательных моделей. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в выявлении эталонной базы для концептуализации и других цветов, а также способов их образования и функционирования в языке.

Источники | References

1. Бижева З. Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Изд-е 2-е. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.
4. Ворокова Н. У. Национальная культура в идиоматике. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003.
5. Дзуганова Р. Х. Морфологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. Нальчик: Эльфа, 2005.
6. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
7. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора // Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: язык и культура: в 2-х т. М.: Наследие, 1998. Т. 2.
8. Къыщокъуэ А. П. Анка // Къыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2006а. Т. 5.
9. Къыщокъуэ А. П. Дамыгъэ // Къыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2004. Т. 1.
10. Къыщокъуэ А. П. Нал къута // Къыщокъуэ А. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Налшык: Эльбрус, 2006б. Т. 4.
11. КІэрэф М. Ж. Лъэужь е лІэужь. Налшык: Эльбрус, 2009.
12. Махуэ А., КъардэнгъушцІ З. П. Хъуэжэ и таурыхъищэ. Мыекъуапэ: РИПО Адыгея, 1994.
13. Ошроева К. В. Эталонные сравнения как фрагмент языковой картины мира (на материале кабардино-черкесского, английского и русского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 2021.
14. Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
15. Хъэх С. Хь. Лъагъуэр гъуэгум хуокІуэ. Налшык: Эльбрус, 2013.
16. Шагиров А. К. Этимологический словарь алыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1. А - Н.
17. ЩоджэнцІыкІу І. У. Уи цІэр фІэсщынцІ. Налшык: Эльбрус, 1973.
18. Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Информация об авторах | Author information

Дзуганова Рита Хабаловна¹, д. филол. н.

Ошроева Карина Вячеславовна², к. филол. н.

¹ Институт гуманитарных исследований -

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик

Dzuganova Rita Khabalovna¹, Dr

Oshroeva Karina Vyacheslavovna², PhD

¹ Institute for the Humanities Research -

Branch of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

² Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik

¹ dzug.rita@yandex.ru, ² karinzal@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.05.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): цветовые концепты; кабардино-черкесский язык; именное словосложение; суффиксальные морфемы; закрытый слог; colour concepts; Kabardino-Circassian language; nominal composition; suffix morphemes; closed syllable.